

РАДИО БЕЗУРНЫХ АНАНАСОВ

ЧУДЕСА
И ПРИКЛЮЧЕНИЯ
В ЗАГРИВКАХ

Сергей Стирнов

12+

Сергей Смирнов
Радио безумных ананасов
Серия «Чудеса и
приключения в Загравках»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69900241
Радио безумных ананасов: Кислород; Москва; 2023
ISBN 978-5-907342-55-2

Аннотация

Достаточно было покрутить колёсико поиска волн на старом, таинственном радиоприёмнике, как на голову градом посыпались ананасы! А потом появилась всемогущая зайчишка, и домашний кролик стал ростом с бронтозавра, городскую больницу наводнили экзотические бабочки, полицейские превратились в ковбоев с револьверами, а строгие тётки – в черных пантер... Короче говоря, в Загравках снова начались невероятные события!

Содержание

Список страхов далеко не полон!	6
Травмоучебное начало	8
Появление Дяди-из-Марокко	15
О квантовой запутанности и о папиной проницательности	20
Как работать с психической травмой	26
Орхидеи и прочие восточные сладости	30
Эффект коврового счастьеметания	35
Джинны мудры, но бывают навязчивы	39
Оно появляется...	47
Папе тоже придется делиться «мотороллером»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Смирнов

Радио безумных ананасов

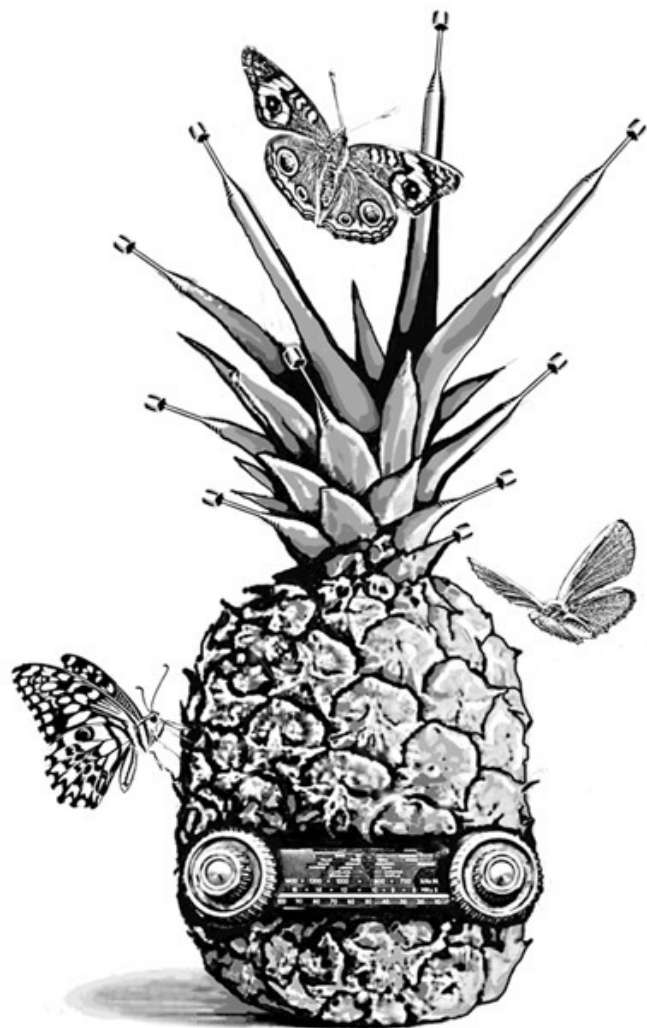
© Сергей Смирнов, 2023

© Издательский дом «Кислород», 2023

© Иллюстрации – Андрей Солонский, 2023

© Дизайн обложки – Георгий Макаров-Якубовский, 2023

*** * ***

Список страхов далеко не полон!

Каких только страхов-боязней не бывает у людей! И всем им ученые-медики и психологи дали названия, а чтобы по-научному мудрёнее – на древнегреческом языке. Иные звучат так необычно и даже красиво, что хоть нарочно чего-нибудь боясь, чтобы почувствовать себя особенным и в компании привлечь к себе внимание. «У меня, знаете ли, айлуорофобия!» А это просто – боязнь кошек. И почему бы их не бояться, если у вас аллергия на них, на их шерсть?

Но того страха, той фобии, которой я сам страдал несколько лет после событий, о которых собираюсь теперь рассказать, в этом списке нет. Сначала как будто нашел, вот она – радиофобия! Но оказалось, что это – боязнь всем известной радиации. А я в ту пору опасался... радиоприемников! Особенно старых, старинных. С таинственным зеленым глазком, с колесиками поиска радиостанций на разных волнах. В обычной жизни их теперь и не найти, разве только на барахолках... но в страшных снах они мне не раз снились. Однако ж и современных цифровых приемников я тоже слегка страшился. Поэтому одно время старался в машине садиться на заднее сиденье, за водителем, чтобы не видеть приемник прямо перед собой на панели...

Родителям я, конечно, в своей фобии не признавался, а то они бы не поскупились на психотерапевта. Но и психоте-

рапевту я правду ни за что бы не рассказал, а то он переправил бы меня прямиком в кабинет психиатра... А если бы я стал нести всякую отвлеченную ерунду, то психотерапевт чего доброго перевел бы стрелку на моего дедушку, который очень любил крутить колесико своего допотопного, большого радиоприемника Festivals в красивом деревянном корпусе. Я был совсем маленьким, когда дедушка занимался своей ностальгией по шестидесятым годам двадцатого века, и всякие помехи, трески и странные шумы, которые издавал приемник при поиске радиостанций, могли меня пугать и отложиться в подсознании надолго. Так, наверное, предложил бы мне думать психотерапевт, чтобы я успокоился... Но на самом деле дедушка ни разу не виноват!

И в самом деле, разве не начнешь бояться радиоприемников, если натыкаешься на какую-то таинственную радиоволну, а вместо рэпа, рока или джаза тебе на голову начинают сыпаться ананасы! Тяжелые такие, спелые! А потом и вовсе такое появляется... такое... вернее такая!

Травмоучебное начало

Как и в прошлый раз, нужно прежде всего уточнить время и место происшествия. История началась всего через несколько дней после того, как мы разобрались с альдебаранским похищением детей и кота... Казалось бы, после такого кошмара ничего в жизни уже не испугаешься! Однако потом слишком быстро привыкаешь к периоду тиши и глади, теряешь бдительность – тут оно и подкрадывается снова. А уж наши Загровки – самое место, чтобы подкралось что-нибудь таинственное и невообразимое! Это же Загровки – окраина уникального города Платонова! О главном месте действия и о самом городе Платонове я уже рассказывал в прошлый раз, и это – важная информация, без которой нашу реальность не понять... Здесь повторяться не буду, но если кому-то было недосуг прочесть первую историю или она прошла мимо внимания, то приглашаю заглянуть в Приложение, которое я поместил в конце, – там можно узнать про город Платонов самые интересные факты.

Итак, прошло чуть больше недели – и начался новый учебный год. И в тот учебный год мы с сестрой вернулись в знаменитую гимназию имени Ломоносова... Перед этим нашему папе предложили возглавить кафедру элементарно-ватсоновских частиц на физическом факультете Платоновского университета, который того же имени, что и плато-

новская гимназия, а заодно и Московский университет, от которого наш по иным дисциплинам ничуть не отстает. Папа же сказал, что не согласится, если и нашу маму не пристроят в университете на приличном месте. Приличное место нашлось – на кафедре славяно-берберской филологии. У нас и город уникальный, и кафедры в университете ему под стать!

Ну, а мы с сестренкой, близняшкой и тезкой (почему тезкой – отдельная история, тоже в прошлый раз изложенная мною), в том году пошли учиться в нашу гимназию... Причем – в третий раз! Дело в том, что нашего папу-исследователя жизнь мотала где только не. Доставалось нам с сестрой учиться и в Москве, и в Анадыре... Но в Платонове нам всегда были рады, встречали и принимали, как родных. Без лишней скромности признаюсь: особенно меня. Я в ту прекрасную пору только что ушедшего детства как-то умудрился, порвав три пары кедров, дойти до призовых мест на российских соревнованиях по скейтбордингу. Так что, вернувшись в Платонов, я снова вставал в линейку важных лиц гимназии. К тому же я по своей натуре на многое не претендовал, что особенно радовало лидерскую группу класса, пытавшуюся привлечь меня в свои ряды для увеличения живой силы и техники... А вообще, таким неактивным я сделался после второго семейного переезда, наложившегося на школьные годы чудесные. Приходишь в новый класс, собираешь коллекцию фингалов и прочих лютых подколов, добиваешься мечтаемого статуса в стае... и вдруг – бац! Все заработан-

ные очки пропали... Начинать всё заново на новом месте. И тогда я понял, что в жизни нужно добиваться только того, что не обнуляется при больших переездах.

С сестренкой все было сложнее при ее тогдашнем характере и способности заполнять собою все обозримое пространство. Девчонки ее, скажем так, любили не слишком, однако по-своему мужественно терпели, стараясь мирно толпиться в тени ее братика. Умные в нашей гимназии девчонки!.. Похвалить их – значит, и себя похвалить. Кидайте в меня за это тапочки и гнилые помидоры!

В тот злосчастный и, собственно, первый учебный день Сашку дернуло всем что-то доказать, а я не успел ее тормознуть... Хотя день неплохо начинался: учителя нас с сестрой поприветствовали, как блудных, но любимых детишек, вернувшихся наконец под родной кров... тем более что мы не успели намозолить им глаза и классные журналы в прошлые годы. Встреча с однокашниками тоже прошла на высоком уровне обнимашек. Солнышко на небе светило. Но после обеда стало пасмурно, прошел легким выдохом тучек мелкий дождичек. А сестренка за сумму перемен между уроками сумела-таки не только пообниматься с подружками, но и слегка их выбесить. Когда мы компанией, кажется, в семь или восемь человек после уроков двинули на набережную, градус ядовитых подколов у девчонок тоже поднялся на опасную высоту.

Пацаны были с досками. Они хотели не только потрени-

роваться друг у друга на виду, но и мне показать, чего достигли в мое отсутствие. Есть над рекой Платоновкой и прогулочной набережной самое высокое место. И именно с той высоты городские власти некогда развернули от беседки-ротонды вниз к набережной помпезную такую гранитную лестницу с непропорционально широкими бордюрами, на которые там, где марши лестницы сменялись площадками, были установлены небольшие вазоны. Эти бордюры, не считая набережной, использовались скейтерами в качестве полигонов. Спуск был достаточно пологим, чтобы даже не слишком опытному скейтеру не поломаться при первом же проезде, да и на площадку можно было выскочить легко, если что.

Когда мы пришли, мелкий дождь снова заморосил. Колька Павшин, лидер класса, предложил мне свою доску... Я посмотрел на блестящий влагой гранитный бордюр и, не колеблясь, честно признался, что подвиги с кондачка мне не нужны: доска чужая, скользко, трасса мною давно не полированная... Колька сразу взбодрился и пообещал показать класс «чмовому чемпиону», то есть мне. Обозвался он не обидно и съехал прилично до третьей сверху площадки. Там, при объезде вазона, его снесло-таки на площадку. И он показал действительно класс – мощный такой инерционный беговой спуск по лестнице рядом с кувыркавшейся по ступеням доской. В общем, выступил вполне достойно – прогресс у Кольки был налицо. Прочие пацаны словно заробели выступить нечаянно лучше Кольки и выжидающе посмотрели

на меня: может, все-таки решусь бросить вызов. Мне только оставалось правильно выдержать паузу...

– Нормальная трасса, Аль! – деловито сообщил Колька, поднявшись к нам с доской.

Я держал паузу.

И тут вдруг моя Санька выдернула доску из руки Кольки: – Сделаем ненормальной!

Я и глазом моргнуть не успел, как она кинула доску себе под ноги, толкнула ее и, легко подпрыгнув с разворотом, понеслась вниз.

Я, конечно, учил сестренку... да и сама она наездила достаточно часов... но...

Робкий запоздалый возглас Артурчика: «А может, не надо, Сань?» – полетел ей вдогонку, когда она уже достигла первой площадки и объехала вазон...

Кто-то скажет, что это судьба – все произошло так, как и должно было произойти. Кто поумнее, тот скажет, что это брат-близнец – дурак, раз сразу не кинулся к сестре и не отобрал у нее орудие самоубийства... А какой-нибудь совсем умный психоаналитик проницательно заметит, что моя сестра намеренно, хоть и подсознательно, шла на травму, на тяжелую травму, чтобы все изменить в свою пользу, выйти из тупика отношений, которые обострила по инерции... И это у нее получилось – по счастью, не посмертно. Отношение девчонок к ней тотчас изменилось так, будто в их мозгах мгновенно поменялись местами геомагнитные полюса. Ей про-

стили всё!

Я и сейчас с ужасом и холодом внутри вспоминаю, как почему-то оцепенел весь, нутром чуя, что вот-вот оно случится... но ничего не сделал. Ничего!

Санька, как метеор, достигла третьей площадки, но вазон обойти не смогла, зацепила, уже кренясь... помню, что время потекло со скоростью одна секунда в минуту... Санька медленно летела по воздуху к следующему маршу лестницы... доска же медленно скользила по площадке... Санька приземлилась плечом прямо на ступени, перевернулась... а доска вдруг обрела огромную скорость, врезалась в другой бордюр и рикошетом полетела прямо в мою сестру... прямо ей в голову...

Все мои внутренности в одно мгновение превратились в айсберг... в голове моей полыхнула молния, начался шум и гул: крики девчонок смешались с буханьем сердца... Девчонки первыми ринулись вниз к моей сестренке, пока пацаны еще пару секунд стояли застывшими болванами...

– Не трогайте! Не трогайте! – донесся снизу крик Аньки Орловской, которая еще минуту назад задирала мою сестренку по полной программе, и дело чуть ли не к драке шло. – Тут переломы! Скорую надо!..

Станция «скорой» приняла одновременно три или четыре вызова по одному и тому же поводу, и диспетчеры уже ругались в ответ. И платоновская «скорая» не подвела – была на месте происшествия уже через десять минут. Меня в ма-

шину не пустили – и я остался тупо таращиться на кровавое пятно посреди блестящей от влаги ступени. А однокашники остались меня расталкивать, хором убеждая, что все обойдется и, типа, до свадьбы доживет.

Сестренка моя собрала серьезную коллекцию: перелом голени, сложный перелом голеностопа, перелом трех ребер. Трещина на нижней челюсти и еще раны на щеке и на лбу, учиненные мстительной Пашкиной доской... В больнице на меня и на папу с мамой смотрели потом два глаза на забинтованной, как у человека-невидимки, голове... и ее загипсованная нога теперь торчала едва не в потолок, как ствол зенитного орудия...

Слезы у меня на глазах за день-другой высохли. А вот чувство вины в душе сохло куда дольше... До тех пор, пока его не вытеснили события совершенно необычайные. Ну, и сестренка тоже помогла мне прийти в себя.

Появление Дяди-из-Марокко

Когда мы втроем вышли из больницы, я сказал Павлиным, то есть папе Павлу и маме Лине, что хочу подышать свежим воздухом, поразмышлять о превратностях жизни и потому пойду домой пешком.

Павлины переглянулись и сказали, что тоже предпочли бы пройти вместе со мной, но не оставлять же здесь машину, тем более что парковка маленькая и другим позарез нужна будет.

– Ты как? – спросил меня папа и, не дожидаясь ответа, мотивировал сына: – Давай не раскисай. Ты не виноват. Сашка всегда была шустрее тебя.

– Да, поди успеешь схватить ее за руку, – кивнула мама и тяжело-тяжело вздохнула. – Вся в меня.

– И ты не раскисай, – сказал папа маме. – Главное, жива. И врачи сказали же, что опасных гематом нет. Я в юности тоже переломы коллекционировал. Заживало, как у кошки... или кота.

– Вся в тебя! – снова тяжело-тяжело вздохнула мама.

– Ну, я пошел, – сказал я и оставил Павлинов еще поуспокаивать друг друга.

Последнее, что я услышал позади, были слова папы:

– За руль я сяду...

По дороге я думал вот о чем: о том, как сестренка станет

переживать шрамы и рубцы на лице, ведь они останутся, хотя ей даже швов не накладывали, а использовали какой-то супермедицинский скотч. В общем, беда! Мне надо работать и копить деньги на пластическую операцию сестре... И вообще, я вдруг осознал, что за свою жизнь еще ни разу не расставался со своей сестрой дольше, чем на несколько часов. Даже на соревнованиях – ведь она приезжала моей группой поддержки. Как же я теперь жить буду в этой пустыне?! Кто меня теперь будет одергивать, подначивать, колотить и поддерживать во мне волю к жизни?! Рассказать пацанам о своей проблеме – засмеют... Да и сестренке как теперь там одной-то, в больничке?! Боль и депрессия! Боль и депрессия! Надо бы мне с учебой пока завязать и добиться разрешения сидеть с сестрой... Но ведь это – утопия!

Так и добрел до дома в полном расстройстве. И почти не обратил внимания на мышиного окраса новенький «Порше Кайенн», стоявший около нашей калитки. «Почти», потому что ничуть не удивился чужому внедорожнику, только недоуменно хмыкнул по поводу петербургских номеров. Подумал, что кто-то из коллег отца прикатил по делу... Вопрос, кто из его коллег мог иметь такую дорожную тачку, у меня не возник.

Не сильно удивило меня и появление в нашем доме экзотического чужеземца, на вид лет пятидесяти. Я был весь ватный внутри... Но как-то сразу угадал, что он – араб. Араб повышенной смуглости. Пришибленные бедой Павлины да-

же свет не включили в гостиной, хотя уже начинало темнеть, и от этого чужеземец выглядел лицом еще темнее, почти по-негритянски. Особой радости от этого визита на лицах мамы и папы я не заметил.

— А вот и наш сын Александр, — как-то очень официально, упавшим еще в больнице да так и не поднявшимся голосом представила меня мама. — А это дядя Аббас, муж моей двоюродной сестры.

Мы с Санькой мельком слышали когда-то эту романтическую историю про то, как сестра мамы Лины, тетя Женя, познакомилась в Марокко на отдыхе с каким-то образованным, богатым и все такое. Несмотря на все опасения славянских родственников, марокканское счастье тети Жени как будто задалось... Дядя Аббас, слышали мы, владеет турбизнесом и даже имеет свой отель во Франции. В гости мы к ним еще ни разу не ездили, и вот дядя Аббас явился сам. Как говорится, «если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе». Дядя Аббас наслушался от жены сказаний о нашем замечательном городке, загорелся развивать тут свой турбизнес и приехал пообщаться с властями, а заодно и с родственниками. Приехал без предупреждения. Это у них там, наверно, в норме.

Дядя Аббас был весь круглый и очень живой. Такие люди в моих представлениях о мире должны быть низкорослыми, как все толстячки в комедиях. Таким мне дядя Аббас и показался, пока он сидел в кресле. Но когда он взвился мне навстречу из кресла, прямо как Карлсон с пропеллером, оказа-

лось, что он большой – как воздушный шар.

Тут я удивился чуть больше: арабский богатея в шикарном, песочного оттенка костюме-тройке да еще при алом галстуке, вел себя не как шейх какой-нибудь, а как пацан, рванувшийся навстречу корешу, которого давно не видел.

Он потискал меня и слегка придушил, прижав к мягкому пузу – ну, правда, воздушный шар! – а еще окутал и придушил своим арабским парфюмом. Сладким, но с легкой и терпкой горчинкой мыльным ароматом.

Его голос тоже доносился до меня как будто не сверху, а из глубин его пуза. Он говорил, вернее тараторил на русском почти без акцента, но речь его была похожа на кипение гречневой или овсяной каши.

Он обрушил на меня лавину сочувствия по поводу несчастья с сестрой и заставил напрячься, сказав, что оплатит любые нужные операции, в том числе и пластические, если потребуются...

Я осторожно заглянул сбоку за горизонт дяди-шара. Павлины только растерянно улыбались, не шевелясь на диване.

Тут дядя Аббас отстранил меня, взяв за плечи, и очень серьезно спросил, какие цветы любит Санька.

Я знал, что Санька балдеет от чайных роз, лучше кустовых, но бухнул, что – орхидеи. В глубине души мне хотелось побыстрее отвязаться от этого вулканического родственника, вот и дернуло его озадачить.

– Орхидеи! – Казалось, дядя Аббас даже оторвался от по-

ла сантиметров на десять. – Превосходно! Орхидеи и мои даже любимые цветы. Завтра мы твою сестру удивим и заставим твою любимую сестру любить жизнь дальше!

Я выпал в осадок. Услышал робкий голос мамы Лины:

– Сашу пока не стоит сильно волновать. У нее голова повреждена...

На мое счастье, шар развернулся вокруг своей оси.

– А кто здесь так выразился, что мы будем ее волновать?! – воздел руки к небесам, точнее к люстре, дядя Аббас. – Мы сделаем все возможное, чтобы ее превосходно успокоить!

О квантовой запутанности и о папиной проницательности

Сделать все возможное, чтобы я смог хоть чуть-чуть успокоиться и заснуть под утро, удалось нашему папе.

Стоило мне начать засыпать-забываться, как я сразу срысывался на доске с кручи в бездонную тьму, падал-падал-падал... и уже мне казалось, что я по собственной воле становлюсь невесомым, как вдруг подо мной появлялось гладкое гранитное дно... и я с криком выныривал в темную, но родную домашнюю реальность. Тут же начинала жутко болеть, хоть и недолго, волной, правая нога, будто я ее тоже сегодня сломал одновременно с ногой моей сестренки... а еще боль вдруг выстрелом пронизывала нижнюю челюсть...

То мне виделось, что я несусь на доске... по стреле башенного крана и должен соскочить на крышу здания, но конец стрелы внезапно начинает опускаться вниз... я понимаю, что стрела ломается подо мною – и вот я несусь напрямиком в бетонную стену... И так раза три. Потом в комнату пришел папа... Когда мою сестру в детстве особенно сильно мучили ночные кошмары, то приходил именно он, а не мама. Его спокойная, сильная рука мгновенно выдергивала Саньку из глубин невидимого океана, в котором она тонула и захлебывалась...

– Что? Плющит не по-детски, да? – как и нужно, по-деловому и без кисломолочного сочувствия утвердительно вопрошил папа.

Свет в комнате он не стал включать, но я отчетливо видел его силуэт.

– Плющит, ага, – признался я.

– И нога несломанная болит?

– Ага, – удивился я папиной проницательности. – И голова... там, где Санька приложилась... Ты сегодня телепат, папа?

– Нет... – Видно было, что папа качнул головой. – Физик... Простой физик. Это нормально, что у тебя тоже все болит. У вас с сестрой нормальная квантовая запутанность. Вы как две элементарные частицы, которые якобы разделены, а на самом деле – единое целое... взаимозависимы независимо от того, на каком расстоянии друг от друга находитесь... Такой вот каламбур. Наша мама не особо верила. А теперь поверит... Ты ей расскажешь. Когда вы каждый по отдельности женитесь и замуж выйдете, у вас дети в один день рождаться будут, к бабке можно не ходить!

– Бабкой-то наша мама тогда станет, – вырвалось у меня в ответ на папину подначку. – Можно и пойти...

– Уже лучше... тебе уже лучше, – с намеком хмыкнул папа. – Может, вам собаку купить?

Вот так прямо – без паузы!

Я вдруг испугался, увидев совсем иной, мрачный смысл в

этом суперпредложении. Нам с сестрой всегда хотелось живность иметь, но мы понимали, что это – утопия. Жизнь мотала наших родителей, а заодно и нас при них, где только не... Чего животных мучить большими переездами и разными климатами? Мы и цветы не заводили – не на кого оставить...

– Так Санька же выздоровеет! Лежачей не останется! – прямо выпалил я.

– С чего такой подсознательный пессимизм? – удивился в свою очередь папа. – Просто мы теперь тут надолго. Может, и насовсем. И мне мотаться надоело. У меня кафедра. План экспериментов уже есть... Вы какую собаку хотите?

– Бигля! – озвучил я сокровенную нашу мечту.

– А шустрые-ушастые! Годится! – радостно принял идею папа. – Бегать с ней по утрам будете. Сначала ты, потом с тобой Санька, а там, глядишь, и мы с мамой присоединимся...

И тут мы пару минут посидели молча, воображая нашу будущую счастливую собачью жизнь. То есть это папа посидел, а я полежал...

– Еще этот старик Хоттабыч на наши головы... – вдруг пробормотал папа себе под нос и вздохнул.

Он как бы личную мысль наружу выпустил, и я понял, что ему хочется поделиться...

– Какой Хоттабыч? – проявил я необходимую заинтересованность.

– А ты что, не читал сказку про старика Хоттабыча? – уди-

вился папа.

Ну, я помнил смутно что-то про волшебника, которого предыдущие поколения с детства лично знали... Так и ответил.

– Нет, не волшебник... не совсем... – Тут папа по привычке взлохматил свои густые, в меру кудрявые волосы, и в темноте его голова приобрела черты монстра. – Джинн из бутылки. Из лампы. Ты, случайно, лампу старую не находил?

Папа умел удивлять и сбивать с толку.

– Какую еще лампу?! – обалдел я.

– Медную такую. Древнюю, – сказал папа и решил больше не мучить сына. – Короче, это я про дядю Аббаса. Выпрыгнул, как джинн из бутылки. Или из лампы. И что-то знает слишком много. Даже про мой институтский проект знает... Он, правда, сказал, что перед тем, как к нам ехать, уже успел с властями поговорить... и с руководством института. У него виды на «Сигнал» есть. Ему здесь сказали, что там уже ничего особо секретного нет и можно открытую зону вместе с антенным полем достопримечательностью объявить. Туристов водить... про НЛО им рассказывать... Сказал, что спецслужбы готовы снять гриф секретности и разрешить ограниченный доступ. Прикинь!

– Прикольно! – только и мог сказать я... хотя мне пришлось совсем не по душе, что таинственный военный городок «Сигнал-А», где совсем недавно происходили с нами ужасные чудеса и приключения, на поругание и потоптание

толпам туристов отдадут...

— А у меня в проекте восстановление и активация антенного поля для исследований. Так он... этот дядя, весь, значит, марокканский, как апельсин... сказал, что готов в мой проект вложиться! — сказал папа. — Что-то мне даже тревожно как-то.

За что мы с сестренкой нашего папу всегда не только любили, но и по-особенному уважали, так это за то, что он делился с нами, как с равными, своими проблемами еще с тех пор, как мы еще в дабл-коляске лежали, а потом пешком под стол пошли. Говорил серьезно, в глаза смотрел. Хорошо, если мы два-три слова в его докладе понимали... Когда подросли, начали соображать, что папе иногда надо выговориться, а тем самым четче понять свою проблему и принять правильное решение... Однажды мы на это папе намекнули, а он нас ошарашил: «Когда вам года по три-четыре было, вы еще лучше советовали мне, какое решение вернее... Глаза младенцев глаголят истину! Неверный вариант всегда вызывал в ваших глазах недоверие и тревогу, а верный вызывал ясный такой свет...» Наверное, суперский детский психолог зачих в нашем папе!

— Норм, по-моему, — опять же не слишком радостно отозвался я, но надо же было папу поддержать. — У них там, на Востоке, семья — главное. Даже дальние родственники. Вот он и хочет гордиться тем, что, типа, проспонсировал твой заход на Нобелевскую премию по физике.

– Далеко, сынок, глядишь! – со сдержанной иронией снова хмыкнул папа. – Но ты все-таки с ним это... не надо вась-вась...

– Аббась-аббась... – само вырвалось у меня. – Не буду, па. Он какой-то весь... в общем, как финик... сладкий, липкий... я это не люблю... и Санька не любит.

– Ну... лучше не скажешь, Аль! – И папа похлопал меня по коленкам. – Мы друг друга поняли. Постарайся заснуть.

И ушел... И такую кашу с финиками заварил у меня в мозгах, что я и вправду немного отвлекся от беды и закемарил... И приснилось мне антенное поле в заброшенном спецгородке «Сигнал», а на поле вместо антенн и локаторов финиковые пальмы, а еще верблюды, почему-то похожие на боевые машины империи из «Звездных войн».

Как работать с психической травмой

В школе был день сочувствия. Все учителя уже знали про случившееся. Подходили, передавали лучи поддержки моей сестре. Первая перемена у меня была забита приемами важных лиц. Примчался Славка, который учился в параллельном, а вчера не был с нами, потому что ему надо было помочь матери куда-то отвезти кроличий приплод... Девчонки во главе с Анькой Орловской подгрести ко мне официальной делегацией с просьбой пропустить их первыми навестить пострадавшую в больнице: «...а потом уж вы все, ладно?» Ладно так ладно.

Пацаны тревожились, как бы теперь не ввели строгий запрет на катания по лестнице...

После уроков мы нашей троицей – Артурчик, Славка и я – от всех оторвались и решили было в кино сходить, пока девчонки будут в больнице мою сестренку лелеять... и каким-то образом лелеять без обнимашек. Пока шли к кинотеатру, Славка все докапывался, как все случилось, а Артурчик пытался Славке рот затыкать: «Ну, Черный, кончай уже! Человеку и так всю душу на британский флаг порвало... а ты еще дергаешь!» И вдруг меня тормознуло на месте. Он ясно намекал, что и ему, верному рыцарю Прекрасной Дамы по

имени Санька Большегруздева, душу порвало.

– Туря, у тебя доска есть? – не приходя в сознание, задал я Артурчику риторический вопрос.

Еще бы у Тури хорошей доски не было! Да у всех у нас доски были... Только Артурчику бежать за ней ближе – у его родителей в центре города еще и квартирка имелась очень такая современная, в дополнение к родовому деревенскому гнезду в Загрявках.

– Ты это... чего? – пробормотал Артурчик.

– Давай, сбегай. На катке встретимся, – кто-то крутой во мне приказал Туре.

«Катком» мы называли ту самую лестницу.

– Да беги уже! – передразнил Славка друга его же голосом и интонацией, в общем, с легким армянским акцентом. – Видишь, все правильно человек делает! Так и надо с травмой психики работать. Пережить событие еще раз... но уже с подготовкой и проработкой. Просек?.. Ты все еще тут?!

Артурчик унесся, а мы пошли к катку. По дороге у нас со Славкой случился самый короткий в жизни разговор на конкретную тему.

– Аль, ты точно уверен, что так надо? – вполголоса и не поворачивая ко мне головы, спросил друг.

– Прорвемся, – ответил я, глядя вперед, за горизонт.

У катка Славка потрогал ногой поверхность бордюра, шумно шмыгнул носом и сказал:

– Да уж... Саньку не остановить никому!

Примчался взмыленный Артурчик.

– Вот... Ты вроде мою фанеру знаешь, – все еще с сомнением проговорил он.

– Может, пару раз не на мраморе, а внизу? – по-деловому предложил Славка.

То есть предложил мне сначала слегка потренироваться на асфальте набережной.

– Не уберусь, – только и буркнул я, то есть, на сленге «плотников», не упаду... а прочий сленг скейтеров я тут уж не буду использовать.

Я отошел на другую сторону площадки, толкнулся, перед бордюром сделал вытяжку, то есть в прыжке сделал опорной ногой нужное движение... пустил холодок в сердце и... не просто пролетел влегкую всю трассу слалома, но и не стал объезжать последний вазон, а прыгнул над ним... и мне показалось, что время почти остановилось... я летел и летел по воздуху... и что-то пытался вспомнить... важное... нужное... но никак не мог... и уже осознал себя, когда завершал вираж внизу, на асфальте набережной...

Примчавшихся вниз друзей я слышал как сквозь с тенью.

– Ну, ты – Бэтмен, Аль! – донесся голос Славки. – Жаль, Колян не видел. Он бы доску свою разломал и съел бы по щепкам.

– Вот и норм, что Коляна не было, – едва слышал я Артурчика. – Нам нужны с ним проблемы?.. А вот если бы Орловская увидела – вот бы кайф был! Аль, она и так уже на

тебя смотрит... Ка-апец бы Колян!

«Ка-апец» он произнес в точности как моя сестренка.

– Вот и норм, что Орловской не было, – эхом откликнулся Славка. – С ней тем более проблем не надо... Аль, ты чо тормозной такой? Как стукнутый... Ты лучше скажи, как это ты завис там над «чашкой»?

«Чашками» мы называли вазоны на лестнице.

– Чего?! – почему-то прямо похолодел я.

– Точно завис! – нашелся еще один свидетель феномена. – Секунды на две как будто в воздухе остановился... Я думал, это потому что ракурс такой со стороны. Но и потом ты медленно вниз пошел еще секунду. А потом уж нормально, на скорости... Не понял, чего ты сейчас напрягся-то?

А напрягся я, потому что пульс в голове забухал, словно прокачивая мозг, чтобы я вспомнил... а что?... вот как, бывает, слово на языке вертится, а вспомнить не можешь, так и в ту минуту со мной было... еще чуть-чуть – и вспомнил бы что-то, ну, страшно важное... но тут громко блямкнула эсэмэска. По звуку – от Саньки.

Орхидеи и прочие восточные сладости

Я выдернул смартфон из кармана.

Эсэмэска была нарублена капслоком:

«АЛЬ, ЧТО ВАЩЕ ПРОИСХОДИТ?!!!»

Во мне сжалось все:

«А что происходит?»

«ОН ЧТО, НАШ БОТАНИЧЕСКИЙ САД ОГРАБИЛ?!!!»

«Кто?» – прикинулся я незнающим, чтобы сообразить, как отвечать дальше.

Санька явно выдохнула и дальше стала писать нормально:

«Этот Абдул или как его... В палате не продохнуть – я в тропиках тут. Стога орхидей».

«Сань, извини. Это я ему сказал, что ты орхидеи любишь. Я думал, он шутку поймет. Извини».

«У такого надо было Аленький цветочек просить. От него еще этими духами арабскими... – и тут Санька, признаюсь, круто выругалась. – Со всех этажей сестры прибежали... Так у него еще в кейсе эти пузырьки с духами! Все в золоте... Ужас тут, что делается. Давай сюда. Пошутить тут так, чтобы его выпроводить...»

«Он тебе пиар делает, медперсонал коррумпирует».

«Мне от его пиара уже дышать нечем! Давай уже! Сюда!»

У меня депрессия!»

Отряд быстрого реагирования принял сигнал! Артурчик помчался за скромными кустовыми розочками, только и способными остановить вторжение диких орхидей. А мы с Черным дунули прямиком к горбольнице. На часах, помню, было 17.15. Значит, дядя Аббас ввалился со всеми орхидеями мира, когда Саньку еще навещали девчонки, ведь посещение разрешалось с 17.00. Меня стали терзать смутные предчувствия.

Больница действительно показалась нам дивным цветником. А уж аромат! И что характерно – меня, Санькиного брата, младший и средний медперсонал принимал, как шейха какого-нибудь... ну а Славку – заодно... типа, как визиря при шейхе. Дядю Аббаса, что показалось странным, мы уже не застали, как и делегацию наших однокашниц. Дежурная медсестра сказала нам, что они вывалились все вместе буквально пару минут назад. И мы со Славкой сумрачно переглянулись... Показалось очень странным, что мы не пересеклись хотя бы у проходной.

У Саньки в ее жутковатом бинтошлеме светились глаза. На депрессию не было похоже. Скорее – на легкую эйфорию со спутанным сознанием. Сестренка схватила мою руку горячими и влажными пальцами. А второй рукой поманила Славку и вцепилась ему в запястье. Я подумал, какую руку она освободит, чтобы потом прихватить Артурчика – как бы тут не случилось напряга... и собрался выдернуть свою, ко-

гда покажется Артурчик.

На Санькиной тумбочке стоял флакончик арабского парфюма, напоминающий сказочный восточный дворец в миниатюре. Я огляделся: флакончики чуть поскромнее сверкали и на других тумбочках. Я взял флакончик – тяжеленький-претяжеленький. Это ж килограммов пять, а то и больше нужно было принести в больницу, чтобы обаять и контузить всех, от медперсонала до пациентов!

– Ты меня извини, – вдруг прогудела Санька.

По-настоящему виноватым тоном.

Говорить ей приходилось со сжатыми зубами, и казалось, что со мной говорит такой хомяк с полным ртом и набитыми защечными мешками.

Ну, раз смогла заговорить о чем-то отвлеченном, а не о боли... начала не с жалоб – значит, уже наметился путь к выздоровлению.

– Да это я – придурок! – нежно пожал я руку сестренке, жалея, что не получится по-настоящему ее в лоб поцеловать, как мы всегда делали, когда с кем-то из нас что-то случалось депрессивное. – Не остановил тебя... И вообще, тебе ж, наверное, и говорить нельзя... больно, да? Ты лучше эсэмэски пиши! Хоть прямо сейчас!

– Да я не про то, – дважды пожала мне руку сестренка. – Я повелась...

Тут она и вправду глухо простонала и, взяв одной рукой мобильник, набрала мне:

«Эта реинкарнация Золотой рыбки мне тут мозг вынесла, и я это...»

Санька оборвала фразу явно в надежде, что мы сами догадаемся... Но мы с Черным только недоуменно переглянулись.

«Короче, этот Абдул у меня про желания спрашивал, а я такая ему...» – Санька шмыгнула носом и уже вслух: – Ой, только бы не чихнуть!

И бросив руку Славки, зажала свой нос.

Мы оба с ним затаили дыхание.

– Короче, я вспомнила одно твое желание – и вякнула ему, – призналась Санька опять вслух. – В общем, сам скоро увидишь... Ты только не сердись... Ты же знаешь, я тоже халяву не люблю.

– Хорошая идея – бизнес на джинне! – Умел же разрядить обстановку Славка. – Сдавать джинна в аренду для исполнения чужих желаний! Лохом был Аладдин!

Санька прыснула и застонала от боли.

А я понял, что сейчас лучше никаких больше вопросов не задавать, а стоит просто посидеть с сестренкой – и она успокоится... а уж потом буду ловить непонятные сюрпризы молча, решил я.

Тут объявился запыхавшийся Артурчик. Дикими глазами он обозрел застывшие орхидейные взрывы, украшавшие палату... Но Санька спасла своего верного рыцаря от самоуничтожения:

– Ой, мои любимые, Туря! Дай понюхать!

Артурчик осторожно приблизил цветучки к Санькиному носу, торчавшему из бинтошлема.

– Ой, пахнут любимые! – обдала нас простым человеческим счастьем моя сестренка... и, вдохнув поглубже, тотчас издала вопль из самой-самой глубины души: – Ой, больно!

– ...Ну, любовь – это всегда больно, – тихо, себе под нос пробурчал Славка... а потом, через паузу, на всю палату: – А чо вы на меня так смотрите?!

Эффект коврового счастьеметания

Мы свалили из больницы немного раньше, чем можно было: дали Артурчику шанс побыть с Санькой, «ни в чем себе не отказывая»... а то стеснительный у нас друг, хоть и пижон. А то вот-вот и наши Павлины могли, вернее, должны были заявиться.

Дотопали до родных Загривок. Смутные тревожные предчувствия меня не оставляли.

Наш дом был ближе, чем Славкин.

– Зайдем? – небрежно предложил я и поймал себя на том, что в глубине души почему-то опасаясь заходить один – нужна подмога...

...хотя пришельцев вовсе не ожидал снова в гости.

– Можно, только не надолго, – кивнул Славка. – Сегодня моя очередь кролей строить.

Это означало, что сегодня по расписанию Славке, а не его маме, кроличьим хозяйством заниматься.

Издали мы оба заметили – что-то эдакое желтело на участке у самого дома.

В каменном молчании, холодея, я открыл калитку... и мы подошли к новому на участке объекту. Совсем новому! Прямо совсем новенькому, только что с конвейера.

Славка молодец – раз я молчу, то и он молчал, пока не остановились и не потрогали, проверяя, реален ли он, этот объект.

– Твой? – спокойно, по-деловому спросил Славка.

– А хрен его знает! – в сердцах выдохнул я.

И Славка сразу все понял.

– Давно? – спросил он, уже усмехаясь.

– А хрен его знает! – уже завелся я. – С утра не было.

– Понятно. Старик Хоттабыч бонусы раскидывает. – Славка знал сказку про Хоттабыча лучше меня, он вообще начитанный с раннего детства.

Когда-то мы с сестренкой смотрели на компе одну из старых итальянских комедий с Адриано Челентано. Он там лихо рассекал по Риму на мотороллере «Веспа». И я, значит, размышлялся тогда вслух: мне б такой, именно такой – ретро... желтый... по Платонову рассекать с девчонкой... (которой у меня еще не было)... вот как Челентано. Размышлялся да и забыл... А вот сестренка моя чуткая не забыла!

Я отправил эсэмэску сестренке. Она ответила почти мгновенно, как будто телефон уже держала в руке. Так, наверно, и было, ведь у нас с ней квантовая запутанность и идеальная телепатическая связь.

«Ну, я у дома стою...»

Несколько секунд таинственной тишины...

«Что? Уже?!» – откликнулась Санька, и я даже как будто услышал придыхание в ее голосе.

– Что «уже»? – отозвался я эхом.

– «Веспа», да?

– «Она самая...»

– «Так он просто волшебник какой-то! – восхитилась Санька, потом еще немного помолчала, обдумывая последствия... и живо нейтрализовала любые мои критические комменты и вето: – Ну, раз у тебя девчонки пока нет, значит, со мной будешь ездить... Мне же еще трудно будет ходить...»

Я тоже помолчал, обмозговывая всю ситуацию и пытаюсь вшить этот новенький мотороллер «Веспа» в свое сознание. Я знал, что в Италии выпускают эти ретроверсии. Но чтобы «Веспа» продавалась в автосалоне Платонова!.. И впрямь отдавало волшебством. Даже если бы мотороллер подогнали нашему марокканскому благодетелю на вертолете из Питера, то мы, по крайней мере, все поголовно слышали бы стрекот вертолета над Платоновом...

«Ладно. Вернешься – поговорим», – примирительно написал я сестренке.

И тут от сестренки раздался звонок.

– Ну, ты прямо как жена – загулявшему мужу! – хохотнула и сразу заойкала сестренка. – Ой! Не могу, больно! Давай, пока!

Я убрал мобильник в карман, посмотрел на Славку... и придумал!

– Слушай, Слав! А давай мотик наш общий будет! Давай?

Когда кому надо, тот и едет... а? На права сдадим, типа, и дело с концом.

Славка тут хитро-хитро заулыбился – и ткнул меня в плечо кулаком:

– Слушай, Аль, ну, расслабься ты! Ну, бывает... Потерпи! Улетит твой волшебник в голубом вертолете. Или на ковре-самолете... Этот Хоттабыч твой тут не останется же... у нас холодно зимой, а зима скоро. Потерпи. А потом разберемся. – Он похлопал «Веспу» по рулю. – А так зачетный мотик! Погоняем... хочешь, погоняем и угробим его как-нибудь... ну, со спецэффектами... типа, утонул в Платоновке... это если тебе с ним совсем не вмоготу станет.

Тут мы вдруг ни с того ни с сего дико заржали. Все сразу пришло в норму, и на душе у меня полегчало!

Оторжавшись, Славка для виду посмотрел на часы:

– Ну, я пойду, Аль... Мне уже к кролям нужно...

Джинны мудры, но бывают навязчивы

Но не тут-то было. Пришлось дружбану тормознуть поневоле. Потому что за калиткой, почти вплотную к ней, тормознул «Порше Кайенн», и из него вышел в том же неотразимом песочном костюме тот же превосходный марокканский дядя Аббас. Славка еще не видел нашего благодетеля и с пристойным любопытством понаблюдал за его приближением. Излучая белоснежную улыбку, которая, как полагал я, сплошь состояла из дорогуших имплантов, дядя Аббас громко поздоровался еще от самой калитки, и я также дистанционно представил ему моего друга Славку.

Дядя Аббас подошел, крепко пожал ему руку и сказал:

– Я очень рад тому, что у моего младшего родственника есть такой превосходный друг.

Похоже, без слова «превосходный» дядя Аббас и дышать не мог...

Славка не растерялся. Он приобнял меня одной рукой за плечи, кулаком другой несильно дал мне под дых и сказал:

– У меня такой превосходный друг тоже есть в наличии. И его – навалом!.. Ладно, извините, мне пора кроликов кормить. – И подмигнув мне: – Ну, бывай, Алька ибн Пáша. Девчонок себе ихних, гурий, не проси. А то это... того...

И свалил.

Дядя Аббас пристально смотрел ему вслед.

– «Навалом» это означает как?

– Это означает, что меня как бы много для моих друзей, на всех меня хватает с избытком, – прикинув, определил я, чтобы еще сильнее запутать марокканского дядю.

– Превосходный портрет для хорошего человека! – восхитился дядя Аббас. – Я запомню. Вижу, твоего друга для тебя тоже много. У него хорошее лицо умного парня, который умеет знать жизнь.

– Да, кто-кто, а Славка умеет знать жизнь! – не мог не согласиться я.

Тогда дядя Аббас повернулся ко мне и посмотрел мне в глаза. В его добродушном, парфюмерном взгляде появилось что-то очень такое проницательное.

– Как тебе этот малый конь? – спросил он и повторил в точности жест Славки, когда тот похлопал мотороллер по рулю.

Хотя я и был дома, но – совершенно не в своей тарелке.

– Спасибо, конечно, дядя Аббас, – сказал я, опустив глаза на его воздушно-шарное пузо, – но как-то это... мне таких дорогих подарков даже папа не дарил... особенно так вот... за здорово живешь... даже без дня рождения...

Дядя Аббас очень по-восточному поднял обе руки к небу, однако заговорил без всякого восточного пафоса, типа «о, благороднейший отрок этого славного города!»... Но все же,

все же...

– Сначала я скажу тебе, Искандер... По-нашему Александр – он Искандер. Можно я тебя буду так называть в честь Искандера Двурогого, по-вашему – великого полководца Александра Македонского?

Я кивнул куда-то в сторонку. То есть в сторону соседнего огорода тети Люси.

– Так, Искандер, сначала я тебе скажу, что можно сравнить мой доход с доходом твоего превосходного отца, и тогда получится, что папа просто подарил тебе сегодня новый смартфон. И даже не айфон новой модели... Согласен?

Я даже кивнул с большим трудом – будто шею стало сводить.

– И будем мы давать так считать, что я опоздал к твоему дню рождения, – продолжал свою подачку-неберучку дядя Аббас. – Второе – слушай меня, человека, который родился и провел детство в пустыне, где там вокруг не было ничего, слишком вот так ничего... Слушай, что я тебе расскажу в этот самый час. У каждого человека всегда есть от детства такая маленькая мечта... маленькая, но не сбы... сбы...

– Сбыточная, – подсказал я.

– Сбыт? – недоуменно нахмурил брови дядя Аббас. – Сбыт – это что-то такое другое... это про деньги и товар.

– Несбывшаяся? – дал я вариант.

– О! Именно так! – указал дядя Аббас перстом в небеса. – Несбыв... ша-яся... И вот что удивительно, мой Искан-

дер. Ты растешь – и вот уже можешь свою эту мечту сбыть... Сбыть? Что-то опять не то...

– Я вас понял, дядя Аббас... Можно и так. – Мне не хотелось, чтобы рассказ дяди Аббаса затянулся на тысячу и одну ночь.

– Да. Вот у тебя уже есть и деньги, и силы, чтобы твоя маленькая, а не какая-нибудь превосходно большая мечта сбылась... – продолжил дядя. – Така-ая большая, ради которой живешь... Но ее, что есть маленькая, почему-то все не сбываешь и не сбываешь. Она остается как ящерица под твоим порогом. Сесть на корточки. Засунуть руку под ступень – и достать... Но не делаешь, не достаешь. Почему? Думаешь, что мечта была с детством, а ты уже взрослый... Или людей почему-то стыдишься... А ведь если ящерица умрет под твоим порогом и высохнет – это ведь и у нас в пустыне дурная примета, Искандер. Ты ведь меня понимаешь?

Я кивнул, потому что стало уже немного интересно, к чему это он клонит... и я даже начинал соображать, как умело дядя Аббас прикидывается адвокатом самого себя.

– Я родился не очень далеко от города Марракеш, и там была пустыня. А мой отец Салех был лудильщик. Ты когда-нибудь видел лудильщика?

– Нет, но знаю, кто это, – твердо отвечал я.

– Да, лудильщик не может быть богат... – продолжал марокканский дядюшка, – если не найдет в пустыне клад каких-нибудь разбойников древности. Но мы не были и слиш-

ком совсем бедняками. Кое-что немного мы могли себе позволить. И вот, мой младший Искандер, когда я был в твоём возрасте и помогал отцу, мне однажды очень захотелось иметь простой пылесос... Не знаю почему. Я увидел такой красивый пылесос в рекламе по телевизору. У нас был телевизор, но не было пылесоса. Зачем в деревне и в чистой пустыне пылесос? У нас нет пыли для пылесоса, но есть много песка, от которого даже превосходный пылесос весь выломается... Я не мог просить отца подарить мне на день рождения пылесос. Я умел лудить утварь, и я сделал корпус пылесоса и еще много-много деталей для него из старых ведер и консервных банок. Я сделал для него маленький винт, и приво-дил его в движение с помощью велосипеда. Сделал привод с ремнями – и он заработал! Поверишь ли своему далекому дяде, Искандер?

Я вспомнил про многофункцио нальный комбайн для ра-боты в саду, который сварганили наши кассиопейские двой-ники. Он исправно работал, и мне очень захотелось со-врать... выдать его сейчас дяде за нашу с Санькой внекласс-ную работу. Тем более что все Загривки так и верили, что она – наша... и не поверили бы ни единому нашему слову, если бы мы стали распускать слух о каких-то инопланетных двойниках. Марокканский пылесос с велоприводом ушел бы нервно курить в сторонку... Но я постеснялся. Рассказал про нашу надувную водяную катапульту, сделанную на базе гим-настического мяча фитбола и дверной пружины.

– Могу продемонстрировать, – со вкусом предложил я, вообразив, как наша катапульта окатывает бесплатной водой марокканского дядю, жившего когда-то в пустыне, где вода на вес золота.

Дядя Аббас как ребенок захохотал и захлопал в ладоши, а потом принялся быстро-быстро похлопывать меня по плечу, будто пыль из него выбивая.

– Ха-ха-ха! Я так и знал, что вы с сестрой всеми руками мастера! Отложим такое веселое дело до жары, а ты мне всего лишь покажешь ее, чтобы я такую веселую радость произвел в моей деревне для моих... э-э... пустынных.

Наверно, он хотел сказать «земляков», но получилось весело, и я его не поправил.

– Так вот, Искандер, – переведя дух, продолжал марокканский дядя, – а теперь у меня... как это твой друг говорит... да, навалом самых превосходных пылесосов, они со-суд любую пыль, но не дают радости, как тот... Он есть, но теперь мне самому крутить его педали так быстро, как нужно, уже не могу. Сердце старое, не вытерпит. Все выломается... А десять лет назад я увидел в другой пустыне, это было в Чили, много-много белых радиотелескопов. Они такие красивые, такие превосходно белые. И смотрят в синее небо. Так красиво. И мне очень захотелось иметь такой радиотелескоп. Не только для того, чтобы слушать все, чем вселенная там у себя думает и поет... я не ученый... я бы ученых пустил к себе работать. А сам бы стоял и любовался им в

моей родной пустыне. Понимаешь меня, Искандер? Я смогу взять и купить себе радиотелескоп. Но что скажут соседи, которые знали моего отца? Как они будут смотреть на меня? Скажут: «Что это он себе позволяет? Он хочет один узнать, что на небесах ангелы говорят? Он разгордился. Он хочет подслушивать ангелов. Его Аллах накажет за это!» А потом они начнут кидать камни в мой радиотелескоп, мои добрые соседи, для которых мой отец и я лудили посуду. И знаешь, они будут правы. Искандер. Потому что мой превосходный радиотелескоп не польет водой их огороды... И тогда я вспомнил наш старый-старый радиоприемник. Еще довоенный. Немецкой фирмы «Телефункен». Я им тоже в детстве любовался больше, чем слушал. Он был волшебным. Как лампа Аладдина. Только джинн не выходил из него и не исполнял желания, зато красиво пел, когда захочешь, разными голосами. И я сказал себе: «Исполнять свои желания ты теперь сам себе можешь вместо джинна. И чтобы вернуть себе ту радость, ты можешь собирать такие приемники... Над тобой будут смеяться, если ты сам начнешь делать ремонт своему дорогому автомобилю или телевизору, но все тебя будут уважать за то, что ты умеешь лудить старый радиоприемник и любоваться им». Понимаешь меня, Искандер?

Надо признать, что неглупые вещи про жизнь говорил в те минуты марокканский дядя. Я кивнул и даже посмотрел ему в глаза. Чтобы он увидел, что я киваю не только из вежливости.

— А теперь, мой дорогой Искандер, ты будешь смотреть на этот мотороллер, который я подарил тебе от чистого сердца для той твоей мечты, которую ты по маленькой глупости не стал бы исполнять, когда вырастешь... — вот так витиевато по-восточному выразился дядя и, вздохнув, продолжал: — И ты начнешь сейчас потихоньку-потихоньку догадываться, почему мне так интересен твой родной город и ваш покинутый город военных людей с антенным полем и вот какими антикварными локаторами. И ты тоже можешь помочь мне исполнить одну маленькую-маленькую мечту... и тогда ты уже превосходно не станешь смотреть на мотороллер, как на обнаруженный посреди великой пустыни без людей чужой кошелек с серебром... Нет-нет, не смотри на меня так, будто я сюда заслан нашим королем как опасный шпион! Я уже договорился обо всем с начальниками вашего муниципалитета, и они, и ваши военные люди готовы предоставить мне антенное поле в аренду на пятьдесят лет. Там мы устроим и радость ученым, и большой превосходный туристический аттракцион. А теперь посмотри вот на это.

Оно появляется...

И дядя Аббас жестом факира извлек из внутреннего кармана пиджака мешочек из красного бархата. Он распустил золотистые тесемки, очень осторожно залез тремя пальцами в мешочек и выудил из него блестящую штуковину, похожую на лампочку. Лампой она и оказалась. Радиолампой с золотистым напылением.

– В самом конце двадцатых годов века же такого же, двадцатого, – рассказывал дядя Аббас, – в вашем городе Ленинграде была выпущена очень небольшая серия радиоприемников. Это была совместная продукция с немецкой фирмой «Телефункен». Приемник назывался «КИ», что значит «Красная искра». Всю партию разослали по военным гарнизонам. И все аппараты погибли или потерялись во время войны. Кроме одного. И этого одного нашел твой старший родственник Аббас Худайдан. И восстановил вот этими самими своими руками. – Дядя Аббас артистично так развел руки и свел руки. – Он у меня теперь весь есть и готов петь, но одна лампа была совсем сломана – и вот она здесь есть. Такую лампу я никак не могу найти, а заменить на другую нельзя. Нельзя заменить сердце коня на сердце ишака, хотя пересадить в наши дни так легко, если есть много лишних денег и одна дурная голова. И вообрази, мой Искандер, я живу надеждой найти такую радиолампу. Найти ее здесь,

сначала в России, потом в твоём превосходном городе Платонове. Я слышал, что в радиогороде военных «Сигнал» был целый музей старых радиоприемников. Главный начальник их любил тоже, как я. Но остался только я, потому что тот главный начальник уже умер, и про это я узнал. И я узнал еще, что музея там тоже больше нет никакого и что приемники никуда не были переданы на хранение. Я подумал своей головой и стал надеяться, что хотя бы какие-то аппараты есть у тех, кто работал в радиогороде. Очень страстно я стал надеяться на это! И подумал, что ты можешь мне помочь в моих поисках.

Тут меня осенило! Как будто холодом и как будто даже приятным меня всего обдало... И после того короткого холодного душа даже успокоился я сразу, потому что все это ковровое счастье-метание дяди Аббаса вдруг обрело простое объяснение без всяких намеков на подкуп кого-то, знающего секретную информацию или способного залезть за ней туда, куда не пускают. Вон оно что! Давным-давно какой-то король был готов отдать полцарства за коня. А вот этот пухленький и весь ароматизированный арабский миллионер готов кучу денег выложить за старую-престарую радиолампочку со свалки. Да, такую блажь понять можно!

– Я вижу, что ты меня прекрасно понял, мой Искандер! – воскликнул дядя Аббас. – У тебя уже глаза светиться сделались! Ты знаешь, что такое коллекция! У тебя тоже какая-то есть?

– ...Да нет, мы как-то не увлекаемся, – чутко потупившись, ответил я, по привычке приплюсовав свою близняшку.

Я, конечно же, зауважал дядю за безумство рукастого коллекционера-радиолобителя, который не за шедеврами живописи гоняется, отдавая тучи миллионов на аукционах, а за деталями старых приемников!

– А как насчет коллекции старых мотороллеров или мопедов? – прямо напугал меня дядя и тут же сам расхохотался: – Я сейчас шучу, шучу... Я сейчас хочу тебя спросить, не видел ли ты у кого-нибудь из соседей старые радиоприемники, которые могут быть из того музея. Может, кто-то еще здесь увлекается радио?

И тут я, не подумав, прямо взял и сдал деда Геру. Деда Гера ведь – радиолобитель. У него своя зарегистрированная радиостанция была! Только что-то в ней пару лет назад поломалось, и он перестал выходить на связь с внешним миром. А искать нужные детали то ли ленился, то ли не знаю что... Ну, с тех пор, как у него ноги стали болеть к прилету летающих тарелок, радиостанция и вправду могла показаться смешной, никчемной рухлядью!

– ...Это значит – «хвала Аллаху»! – воскликнул дядя Аббас по-русски, перед этим очень музыкально воскликнув «хвалу» на своем языке. – И где он живет, этот достопочтенный Дедагер?

– Его Герман Валентинович зовут, – уточнил я. – Это мы называем его «деда Гера». Он на деда похож, хотя еще не

стар.

– Умный человек всегда должен выглядеть старше, чем он родился, – подняв оба указательных пальца к небу, весо-мо выразился дядя Аббас, а радиолампу он уже успел убрать обратно в мешочек и в карман пиджака. – Так где его дом? Далеко от твоего дома?

– Да вон через два дома, – небрежно махнул я рукой в сторону сентябрьского заката. – На нашей стороне. Зеленая крыша.

Разной блажью славился деда Гера, в том числе – и тем, что прилежно раз в три года красил свою железную крышу салатовой краской.

– О! Зеленый цвет мил сердцу гостя из Марокко! – воскликнул дядя Аббас.

И вдруг его словно в одно мгновение подменили на очень серьезного близнеца. Он свел брови, посмотрел на наш дом, а потом перевел взгляд на меня. Так, пожалуй, на нас с сестренкой смотрели недавно особы, пытаясь вытряхнуть из нас признание, зачем мы лазили в «Сигнал».

– Света в доме нет, так и мамы с папой твоих там тоже еще нет, – произнес он странным металлическим тоном, под стать взгляду. – Я заеду в твой дом позже. Благодарю за превосходную информацию. Возможно, она будет стоить дороже мотороллера «Веспа». Тогда снова будет долг за мной.

Он повернулся и пошел прочь с участка. Сел в свой порше и покатил по улице в сторону заката – значит, прямо к

деду Гере... Хотя тут пешком пройти всего ничего. Но такие шейхи пешком не ходят – или на арабском скакуне, на которого дядя Аббас вряд ли бы смог сесть, или на крутом авто...

Папе тоже придется делиться «мотороллером»

Я, наверно, еще с минуту стоял на месте и утрясал в голове новые впечатления. Обрывками недавнего сна проносились отдельные фразы из длинных речей дяди Аббаса... Я вспомнил про пылесос с велосипедным приводом... а еще вдруг мне представился грустный и толстый жеребец с сердцем ишака.

И вдруг я понял, что сам сейчас сделаюсь таким с сердцем ишака жеребенком, если немедленно не спрячу мотороллер с глаз долой, пока родители не появились за калиткой! И я бегом – ну, точно ишак с тяглом, – покатил его за дом в сарай, а в сарае еще накинул на него старую родительскую туристическую палатку из брезента... В общем, теперь времени должно было хватить, чтобы подготовить Павлинов к новому сюрпризу... а если дядя Аббас успеет заявиться и спросить раньше, чем надо, то... нет, я сразу просек, что он – хитрый бедуин и лишних вопросов моим родителям не задаст.

Чутье не подвело: успел я тик в тик и, когда выходил обратно, из-за дома к крыльцу, увидел Павлинов. Папа Павел крепкой рукой открывал калитку и пропускал вперед маму Лину... И тут я удивился тому, что они так долго ехали от больницы. Неужели папе пришлось всерьез успокаивать ма-

му, которая при мне и при сестренке так мужественно держалась?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.